

138
40-1
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП /б/ -

тов. Е Ж О В У.

НКВД разрабатывался активный троцкист -
А Л Ь С К И Й Аркадий Осипович, который 5/II-1936г.
был арестован.

Направляю Вам заявление АЛЬСКОГО на Ваше имя
и справку по его делу.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ССР С.С.Р:

/ПРОКОФЬЕВ/

"20" февраля 1936г.

№.....

55529

20 II

Написано на 16 /шестнадцати/
страницах большого формата.

2 199/4
К О П И Я

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)/

Отдельно: Т. И. В. СТАЛИНУ, В. М. МОЛОТОВУ и
Н. И. ЕЖОВУ.

НКВД - Т. ЯГОДА и Верх. Прокурору СССР -
Т. ВЕШИНСКОМУ.

Уважаемый товарищ!

Когда передо мной открылась перспектива окончательно побороть свой тяжелый душевный недуг и во имя жизни с новой энергией окунуться в работу на открывающемся новом строительстве в Карабугазе, я неожиданно очутился за решеткой одиночной камеры внутренней тюрьмы НКВД. В ночь с 4 на 5-ое февраля я был арестован по ордеру НКВД в Кремлевском отделении Боткинской б-цы и в ту же ночь на моей московской квартире был произведен обыск, во время которого из запыленных папок, лежащих в моем письменном столе, были изъятые завалевшиеся старые материалы, относившиеся к моей прошлой контр-революционной, троцкистской, оппозиционной деятельности, периода 1927 г., переписка с сосланными оппозиционерами в период моего пребывания в ссылке в 1928- и лишь 1929 г., разные фотографии, относящиеся к тому же периоду и, кроме того, в платяном шкафу моей был найден револьвер старой системы "Смит-Вессон", с патронами к нему, в шкафчике сына моего, среди его безделушек, были найдены ружейные патроны и обойма патрон к револьверу "Парабеллум" и, наконец,

3
130
8

в матраце на кровати моей жены были найдены ам. доллары и золотые монеты. Помимо того, из ручного саквояжа, находящегося в моей Карабугазской квартире будет из"ят, или уже из"ят, револьвер " Браунинг" с патронами, которые я всегда имел при себе. Опираясь на все эти " уликовые" материалы и на заявление моей многолетней приятельницы, некоей Сарры РАФАЛЬКЕС, поданном ею в НКВД, в котором она обвиняет меня в том, что я стал врагом партии и высказал ей пораженческие мысли, следственные органы НКВД возбудили против меня обвинение в том, что я остался не разоружившимся троцкистом, что у меня хранилась касса подпольной контр-революционной троцкистской организации, что я пораженец, и что отобранные у меня револьверы хранились для террористических целей. Это обвинение исходит из предвзятой схемы: раз бывший троцкист, - значит контр-революционер, раз найдено оружие, - то значит для террористических целей, если с кемнибудь встретился из бывших троцкистов, - будь то даже члены ЦК партии (такие вопросы мне задавались в отношении т. ПЯТКОВА, СОКОЛЬНИКОВА и др.), то значит разговаривал непременно на контр-революционные темы и т.д. Я отдаю себе полный отчет и целиком и полностью признаю настоящую необходимость настороженной бдительности в отношении бывших троцкистов и др. к.-р. в особенности со стороны органов НКВД, но схема эта в моем конкретном случае не верна и противоречит жизненной правде.

Я не троцкист. Я не двурушник. Никаких тайн, никаких связей, ничего общего с троцкистским контр-революционным подпольем со времени окончательного разрыва и бесповоротного отхода от него весной 1929 г. у меня нет и не было. Всякие пораженческие и террористические идеи мне чужды. Я от всей души заявляю Вам, что несмотря на все совершенные мною ранее троцкистские преступления против партии и, несмотря на личные мои недостатки, о которых я напишу ниже, я являюсь преданным сыном ВКП/б/.

Мой отход от контр-революционной троцкистской оппозиции начался уже весной 1928 г., а окончательный и бесповоротный разрыв с ней произошел ко времени XVI партийной конференции, когда я присоединился к известному заявлению К. РАДЕКА, И. СМИЛГИ и ПРЕОБРАЩЕНСКОГО, поданному в ЦК ВКП/б/. Вот этапы через которые прошла моя внутренняя борьба, пока я полностью осознал всю глубину преступлений против партии и революции, совершенных всей к.-р. троцкистской оппозицией и мною в частности. Не будучи никогда оголтелым троцкистом, зная личные недостатки и всю историю до октябрьской борьбы Троцкого против партии, я с самого начала относился критически ко многому, что намечала и проводила к.-р. троцкистская оппозиция. Я сейчас пишу об этом не для того, чтобы уменьшить или смягчить свои преступления, совершенные против партии и соввласти в период 1927-1929 г., до возвращения из ссылки, а для того, чтобы показать Вам как я пришел к окончательному разрыву с Троцким и к.-р. троцкистской

5
1924

оппозицией и вообще со всем, что было у меня связано с фракционной и групповой борьбой против партии.

Очувтившись в ссылке и проанализировав весь этап борьбы троцкистской оппозиции с партией, я к ужасу своему увидел, как от отдельных разногласий, сначала по отдельным практическим вопросам, троцкистская оппозиция перешла и постепенно выработала целую систему взглядов и, затем противопоставив их генеральной политической линии партии, создала непримиримые углы расхождения, т.е. другими словами, как постепенно были накоплены предпосылки для создания другой партии, а значит возникновения условий борьбы за власть в СССР, в которую могла вклиниться третья сила. Идя далее, тем же путем анализа я увидел, как все организационные и агитационные методы троцкистско-зиновьевской оппозиции вели фактически к тому же и как создавались, благодаря распылчатой форме организации оппозиции, условия для пробуждения в стороне этой 3-й силы. В этот момент глубоких размышлений я до осязаемости увидел, что переход от подачи Троцким или другими членами тогдашнего ЦБ, заявлений по каким-нибудь вопросам в партийные инстанции к распространению их сначала в немногочисленных копиях, отпечатанных на машинке, среди узкого круга своих единомышленников, а затем за небольшим количеством, отпечатанных на ротаторах, среди все большего круга людей и, наконец, захват типографии для напечатания платформы, являются не прос

6 8
[Handwritten signature]

тыми техническими переходами, а нарушениями сначала партийной, а потом и советской легальности, т.е. актами контр-революционными. Точно также я оценил и вылазки троцкистско-зиновьевской оппозиции, произведенные во время демонстрации 7 ноября 1927 г. в Москве и Ленинграде.

Последующие события, происшедшие в стране и, в частности, Шахтинское дело, окончательно утвердили меня в правильности этих моих взглядов. Уже в этот момент передо мной со всей резкостью встал вопрос: отойти ли индивидуально от к.-р. троцкистской оппозиции, или, оставаясь еще некоторое время в ссылке, сделать все, что от меня зависит, чтобы разложить и взорвать ее изнутри. Я избрал для себя последний путь, считая, что он больше соответствует интересам партии. С той поры, применяясь и считаясь с условиями и настроениями, господствовавшими в ссылке, я начал шаг за шагом выявлять свои разногласия с Троцким и фактическим большинством ссылки. Так, например, когда до нас дошли известия о разногласиях, заявленных правыми в ЦК, я стал требовать, чтобы оппозиция во всеуслышание заявила, что в борьбе с правыми она целиком и полностью будет поддерживать ЦК партии против правых. Потом, когда Троцкий распространил по ссылке свое заявление, адресованное VI Конгрессу Коминтерна, с критикой проекта программы последнего, в коем весь проект программы характеризовался, с одной стороны как ле-

ный с.-д. документ, а с другой: тут же ималась просьба об обратном приеме троцкистской оппозиции в Коминтерн и в ВКП/б/ без указаний, что оппозиция снимает все свои разногласия с К.И. и партией и обязуется честно подчиняться всем их решениям, я счел этот троцкистский документ образцом лицемерия не только в отношении Коминтерна и партии, но и в отношении всей рядовой массы оппозиционеров. Когда Троцкий, немного погодя, прислал т. К. РАДЕКУ и мне телеграмму с запросом, как мы отнесемся к снятию оппозицией лозунга Советов в Китае и к замене его лозунгом созыва национального собрания в Китае, мы оба ответили ему, что под предлагаемым им новым лозунгом подпишется Чай-Кай-Ши и таким образом, фактически послали Троцкого к черту. Почти вслед за этим, когда "красные" профессора, находившиеся в ссылке, начали муссировать гнилую идею, что в споре о перманентной революции был прав Троцкий, а не Ленин, я в целях разоблачения Троцкого написал ему письмо, в коем охарактеризовал настроения, существующие в ссылке и, напомнив ему об этом его разговоре со мной на эту тему, просил его дать по губам всем, кто распространяет такую антиленинскую чушь и подтверждать, что спор о перманентке был решен историей так, как он был поставлен ЛЕНИНЫМ, а не так, как он был поставлен им, ТРОЦКИМ. Ответа на это письмо я не получил и этим был фактически завершен окончательный и бесповоротный мой разрыв с Троцким и вслед за этим и со всей к.-р. троцкистской оппозицией. Я не останавливаюсь на других

моментах своей борьбы с к.-р. троцкизмом, в период, когда я еще находился в ссылке и позже, когда я окончательно порвал с оппозицией, чтобы не перегружать, получающегося и без того длинного письма. Но на одном еще моменте я считаю необходимым здесь остановиться. Речь идет о лицемерно-демогогически выдвинутом троцкистской оппозицией, в своих контр-революционных целях, вопрос о режиме в партии. Я всегда считал и доказывал всем оппозиционерам в ссылке, что организационные вопросы и вопросы о режиме в партии никогда не были для большевиков самодовлеющими вопросами, что все эти вопросы всегда решались партией параллельно, применительно и в связи с теми общеполитическими задачами, которые возникли перед партией и которые она ставила перед собой в то или иное время. Т. о., решительно порвав с к.-р. троцкизмом и глубоко осознав сущность всех преступлений, совершенных мною перед партией, я, как солдат на фронте, раз и навсегда сбросил с себяшивую рубашку к.-р. троцкизма и всякой вообще антипартийной, антисоветской, фракционной и групповой борьбы с партией, чтобы больше никогда к ним не возвращаться. Все последующие события, все мои размышления и весь мой опыт твердо убедили меня в том, что генеральная линия политики партии была и остается единственно правильной, что политика эта может быть с непреклонной твердостью осуществлена только руководством, возглавляемым т. СТАЛИНЫМ. Это глубокое мое убеждение

навсегда привило мне, как мне кажется, иммунитет против всяких рецидивов троцкизма, оппозиционности, групповщины и т.п. О том, как я отошел от к.-р. троцкистской оппозиции Вам мог бы рассказать т.к. РАДЕН, если он пользуется хотя тенью доверия у партии и, если он будет спрошен. Хотя партии должно быть хорошо известно мое давнишнее и мое всегдашнее враждебное отношение к ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ (с последним у нас навсегда остались натанутые отношения еще со времени моей работы в Моссовете), тем не менее считаю необходимым сказать несколько слов о них, поскольку к.-р. троцкистская оппозиция, в рядах которой я состоял, была в блоке с ними. Я никогда не считал, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ являются политиками порядка первой величины. Я всегда знал о сибаритстве КАМЕНЕВА и неумении его систематически, кропотливо, практически организовать и провести какое нибудь дело, будь то большое, или малое. А что касается ЗИНОВЬЕВА, то его и КАМЕНЕВА штрейкбрехерство в октябрьские дни, паникерство в момент наступления Юденича на Ленинград и его способность на словах взвиваться выше небес, чтобы тут же спуститься ниже земли, и вообще все авантюрные черты его характера никогда не возбуждали у меня чувства уважения к нему. Благодаря этим личным качествам Зиновьева и Каменева уже у колыбели складывавшейся в 1925г. Ленинградской (Зиновьевской-Каменевской) оппозиции во всем своем "величии" стояли обман и двурушничество в отношении партии. Я с самого начала был против заключения троц-

10 19
137

кистско-зиновьевского блока и в период его существования меня не раз упрекали в том, что я практически мешаю его более тесному слиянию, ставя палки в колеса зиновьевцам. Вот один из многих примеров. Среди старых материалов, изъятых во время обыска в моей московской квартире и относящихся к моей трижды проклятой к.-р. троцкистской антипартийной деятельности в 1927г., имеется один инсинуирующий пасквиль на покойного С.М. КИРОВА и А.И. МИКОЯНА, написанный, если память мне не изменяет, кажется ВАРДИНЫМ. Я воспротивился тогда его распространению, считал недопустимым дискредитацию основного капитала партии, - ее вождей и крупнейших работников, - перед лицом партийной и беспартийной массы. Так как зиновьевцы всегда считали, что я мешаю им разворачивать фракционную работу, то дело дошло до Троцкого, который сделал мне уступку в том отношении, что признал этот пасквиль неудобным к распространению, но тут же предложил мне свою схему (то же сохранившуюся среди моих бумаг) - сборы материалов для составления дискредитирующих характеристик вождей и ответственных работников партии. Я записал тогда все его указания, ничего по схеме не сделал, за что и подвергался неоднократно упрекам. Но все это à propos. Всею линию поведения и всю позицию, которую зиновьевско - каменизская оппозиция выявила на XV партс'езде я и многие другие троцкисты и так называемые безвозвращенцы уже тогда характеризовали, как обман партии. (Тогда очень мет-

11
138 13

кого определения: двурушничество еще не существовало). Фашистский выстрел, произведенный в Ленинграде подонками троцкистско-зиновьевской оппозиции в члена ЦБ т. С.М. Кирова, я с первого же слова расценил так же, как и вся партия, как выстрел, направленный в сердце и голову революции, как преступление, которое не имеет имени. Хотя мне никогда не приходило работать рядом с т. С.М. Кировым в одной организации, или рядом в одном городе, но зная его, как трибуна партии и как прекрасного человека и товарища я смерть его перенес, как потерю самого близкого мне человека. Это могут подтвердить все карабугацы и, в частности, управляющий Карабуга-химтреста, т. РУБИНШТЕЙН.. Приговор, который был вынесен органами советского правосудия над подонками троцкистско-зиновьевской оппозиции, я считаю приговором истории над ними.

Величие побед, одержанных партией на всех фронтах социалистического строительства не нуждается в моем признании. Но, поскольку я имел несчастье состоять в к.-р. троцкистской оппозиции и активно участвовать в ее борьбе с партией и поскольку я был потом снова исключен из рядов ВКП(б), я считаю необходимым заявить Вам, что и мой голос звучит в восторженных гимнах, которые поются во всей стране в честь нашей партии, в честь ее вождей и в честь всемирно - исторических побед, которые были одержаны под руководством тов. Ста-

лина на всех фронтах социалистического строительства в нашей стране. Гениально намеченная и с непреклонной твердостью проведенная линия в области внешней политики привела СССР к тому, что он стал, как страна диктатуры пролетариата, в одном ряду с самыми влиятельными странами мира. Уже один этот факт является колоссальной мощью, революционной мобилизующей силой для всех угнетенных классов и поработанных народов мира.

Общая политика мира, политика дружбы и мира в отношении всех стран ближнего Востока, пакта о ненападении, заключенные почти со всеми соседями СССР, отпор, данный китайским милитаристам и почетный мир, предложенный Китаю, после данного Чжан-Сюэ-Ляну предметного урока, заявление о нейтралитете, когда японская военщина оккупировала южную и двинулась в С. Маньчжурию, чтобы втянуть нас в войну с Японией, предложение Японии пакта о ненападении, продажа КВЖД, когда японская военщина снова и снова стала создавать поводы для войны на наших дальне-восточных границах, все это, при наличии мощного военного кулака - ДВКА, - показателя силы, а не слабости СССР, не только разоблачило все военно-империалистические группы, обвинявшие нас в красном империализме, но сверх того показало всему миру, кто в действительности является застрельщиком войны, кто является агрессором и откуда миру всего мира грозит новая военная опасность. На Д.-В. эта линия полити-

13
~~140~~
15

ки привела к тому, что Япония погрязла в Китае, где обострила свои отношения с САСШ и Англией, мы не получили признание САСШ и отерочили войну на своих д-в рубежах на ряд лет. Та же линия политики привела на Западе к разоблачению Германии и Польши, как застрельщиков войны на Западе и к установлению более близких отношений между СССР, Францией, Чехо-Словакией и Румынией и к известному сближению с Англией. Всеобщее признание СССР как поборника мира и вступление СССР в Лигу Наций, что между прочим дало возможность нашему правительству использовать мировую трибуну империализма для разоблачения этого последнего и защиты интересов СССР, - подняло авторитет и красное знамя СССР на такую высоту, на какую они дотоле еще никогда не были подняты.

С непреклонной настойчивостью и твердостью в невиданно короткий срок проведенная индустриализация, не только ликвидировала прежнюю российскую отсталость в стране советов, но уже ныне поставила СССР в один ряд с самыми передовыми индустриальными странами мира. Кроме непосредственного своего значения, кроме создания новых отраслей промышленности, (авто- тракторный, авиационный, химический, машиностроения и др.), кроме обеспечения условий быстрой механизации с-х и укрепления общей обороноспособности страны, - размеры и темпы и достигнутые результаты в этой области резко изменили социальный состав населения СССР, увеличив

14
147 16

в несколько раз индустриальный состав рабочих и общую численность населения, связанного с промышленностью, что имеет громадное значение для общих судеб нашей и мировой революции.

Коллективизацией, осуществленной в нашей стране в столь короткий срок партия и правительство поставили деревню на социалистические рельсы, не только разрешили продовольственную и сырьевую проблемы в стране, что все является фактором громадного политического значения, и не только переплавляет социальный состав деревни, создавая там кадры нового пролетариата, связанного с промышленностью, но вписала новую страницу в мировую историю социалистического рабочего движения, - страницу, которую постоянно будут изучать и постоянно пользоваться все пролетарские революции и особенно революции в аграрно индустриальных странах. На базе проведенной индустриализации и коллективизации перестроились и расширяется вся наша легкая промышленность, совершенно заново создана пищевая промышленность, строятся лесная и местная промышленность и т.д. Благодаря энергии, инициативе и крупному организаторскому таланту свойственные т. И.М. Кагановичу, на транспорте, этом важнейшем средстве связи между городом и деревней и важнейшем участке, имеющем громадное оборонное значение, - наметился такой перелом и рост и в такой короткий срок, что нельзя не восторгаться этим. Общий рост благосостояния страны, повышение материального

15
14
17

уровня всех трудящихся, рост культуры, расцвет науки и техники, проявление героизма и самоотверженности, широко поставленные вопросы освоения, борьба за рентабельность, удешевление и качество, стахановское движение, общение вождей партии и правительства с лучшими сынами народа, правильная ленинская национальная политика, перестроившая старую российскую тюрьму народов в страну братства всех населяющих ее народов, - все это является звеньями и результатом одной и той же правильной ленинской политики, осуществленной Лениным ЦК ВКП(б) под твердым, смелым и проницательным руководством гениального т. И.В. Сталина. Все эти достижения, успехи и победы, само собой разумеется, не имели бы места, если бы Ленинский ЦК ВКП(б) под руководством тов. Сталина не дал бы сокрушительного отпора всем и всяческим оппозициям, пытавшимся сбить партию с правильного пути, намеченного т. Сталиным, и делавшим со своей стороны все, что было в их силах, чтобы загрязнить своими лжетолкованиями и лезучениями светлый источник ленинизма. Благодаря до конца выдержанной принципиальности всего Ленинского ЦК ВКП(б) и, в первую очередь, т. Сталина, не только ВКП(б), но и диктатура пролетариата в нашей стране были спасены, а это обеспечило достижение тех громадных успехов партии и соввласти на всех фронтах социалистического строительства о которых я говорил выше. Такого единства партии и такого признания со стороны всех слоев населения величия

партии, какие мы имеем теперь - партия еще не имела за всю свою историю. В этих условиях всякое пошатывание партии и всякое нарушение единства воли в руководящем центре партии являлись бы по-моему глубокому убеждению преступлением против партии и революции. Таковы выводы из моего тяжелого опыта борьбы против партии, таковы мои убеждения, таково мое политическое credo

После всего сказанного естественно возникает недоуменный вопрос: почему же мной не были сданы соответствующим организациям материалы, относящиеся к моей прошлой к.-р. троцкистской деятельности, почему у меня хранилось оружие без разрешения, что за история с золотыми монетами и ам. долларами и, наконец, откуда обвинение в пораженчестве? Нет ли во всем этом проявление двурушничества?.

Есть вещи, в которых люди обычно боятся признаваться вслух даже самим себе, но стоя перед выбором: допустить -ли судебную ошибку, которая была бы связана с моим именем и бросила бы тень на советское правосудие и стать ли героем и мучеником чуждых мне идей, намерений и действий, - я решил рассказать Вам всю правду, раскрыть перед Вами всю свою душу как бы тяжело это не было для меня.

Вернувшись из ссылки, навсегда разделившись с к.-р. троцкизмом, я был полон самых радужных намерений. Я решил чуточку поправив свое здоровье немедленно оку-

17 19
249

нуться весь целиком в работу, на которую партия меня поставит, чтобы в кратчайший срок хотя частично искупить свои грехи перед партией: но мне уже с первых же шагов страшно не повезло. У меня обнаружилась опухоль спинного мозга и паралич приковал меня к больничным и санаторным койкам почти на целых два года. То были те решающих два года, когда сравнительно еще очень легко было быстро спаяться с партией. После удаления у меня 4 -х позвонков и этой опухоли я остался не только полунinvalidом на всю жизнь, но у меня еще возникла боязнь рецидива этой опухоли, а значит и нового паралича со всеми его последствиями. Поступив на работу не долечившись до конца я уже в начале 1932 г. снова заболел. Меня отправили в Севастопольский институт физических методов лечения, где проф. ШЕРБАК предложил мне лечение глубокой рентгенотерапией. О том, что означает такое лечение я не стану здесь говорить. В результате всего этого я заболел тяжелым душевным недугом: у меня возникла навязчивая мысль о самоубийстве. Постоянные мучительные боли, как результат перенесенной мной тяжелой болезни, множество других невзгод обрушившихся на меня и на мою семью (заболевание дочери церберо-спинальным менингитом, брата шизофренией, болезнь жены диабетом на нервной почве, частые обострения моей собственной болезни, тяжелые квартирные условия и отсутствия для себя угла в доме, неудовлетворенность работой, исключение меня

19
14/6
21

декабря из Карабурга в очень плохом физическом состоянии с намерением пройти радикальный курс исследований в Москве, я сознательно оставил там свой браунинг, чтобы у меня не появилось поползновений покончить с собой в пути. В течение истекших шести лет я потратил массу душевных сил в борьбе с самим собой за жизнь. (Судя по одному факту, мне кажется, что т. К. РАДЕК однажды догадался о моем тяжелом душевном состоянии). В результате этого тяжелого душевного недуга я как то опустился и стал совершенно безразличен к самому себе. Будучи оторван от партийной организации, после исключения меня из партии, и от другой общественной работы я замкнулся в самом себе и стал трагически одиноким человеком. В этом моем душевном состоянии кроется причина почему я все годы не касался своего архива, не разобрал залежавшихся там бумаг, относившихся к моей, - будь она трижды проклята, к.-р. троцкистской деятельности и почему я их не сдал соответствующим организациям. В этом же кроется причина, зачем я постоянно имел при себе в течение всех последних 6 лет браунинг. Этим собственно объясняется и та беспринципность, которую я проявил в отношении жены моей, которая берегла золотые монеты и ам. доллары. Кроме браунинга, который остался в Карабурге, среди барахла в платяном шкафу жены моей был найден старый револьвер "Смит и Вессон" с патронами к нему. Оба эти револьверы находились у меня в общей сложности

около 33 или 34 лет "Смит и Вессон" у меня завалался с первых дней февральской революции, а браунинг я приобрел не то в конце 1918, не то в начале 1929 г. Патроны к "Смит и Вессон" я получил в свое время в ВЧК у тов. Абрама БЕЛЕНЬКОГО, если память мне не изменяет - в 1922 г. м. б. т. А. БЕЛЕНЬКИЙ ЕЩЕ помнит это случай. Во всяком случае при желании можно было бы найти в документации ВЧК справку сколько патронов было мне тогда выдано. Я уверен, что количество их совпало бы один в один с тем количеством, которое у меня теперь отобрано. О наличии этого револьвера я совсем забыл, ибо уже много много лет он ни разу не попадался мне на глаза. Я больше чем уверен, что жена моя, зная о моем тяжелом душевном состоянии, спрятала его от меня, а может быть и от детей, чтобы не было несчастного случая. Коробочка с патронами к маленькому браунингу сохранилась в моем письменном столе со времени моей совместной работы в НКФ с Л. Владимировым, которому я подарил, или точнее, который забрал у меня этот маленький браунинг. Что касается ружейный патронов и патронов к револьверу "Порабеллум", найденных в шкафчике, среди безделушек моего сына, то об их появлении у нас в доме я ничего не знаю. Но во время обыска сынишка мой заявил, что он их получил от других ребят в школе и что они баловались тем, что извлекали из них порох. Я считаю, что вопрос о том, откуда дети достают патроны и почему наши дети остаются бес-

21 23
148

призорными в школе, когда мы уезжаем куданибудь, выходит далеко за пределы моего дела. Я настойчиво просил бы поручить кому-нибудь, не пугая ребят, тщательно исследовать этот вопрос. Такова история всего этого оружия и всех этих патронов. Мое нарушение заключается в том, что у меня не было разрешения хранить их у себя. Диким и нелепым является всякое предположение работников НКВД, что они хранились у меня для каких-то террористических целей. Я со всей искренностью заявляю Вам, что я готов отдать всю свою жизнь за то, чтобы ни один волос не шевельнулся на голове наших вождей, поднявших страну и знамя советов на такую высоту.

Относительно ам. долларов и золотых монет найденных в матрасе на кровати жены моей. По установившейся в моем доме традиции, я всегда отдавал своей жене все заработанные мною деньги и все свои сбережения и она их тратила по своему усмотрению. После моих зарубежных поездок у меня осталось несколько сот долларов в виде сбережений от своего жалования. Так как в течение нескольких месяцев в 1927 г. со мной велись переговоры: в распред. отделе ЦК партии о поездке финансовником к ген. Фун-Юй-Сяну, НКВД, - т. М.И. ФРУНКИН - о назначении куда-нибудь торгпредом на Запад и так-как однажды было даже вынесено постановление ЦБ о командировании меня в Афганистан и, так

как в то время инвалютa у нас свободно обменивалась на червонцы, то я отдал эти свои доллары моей жене. Золотые же монеты, кроме 3-х золотых червонцев, изъятых из моей нумизматической коллекции, принадлежат семье моей жены и достались им в виде наследства от их матери. Они берегли эти монеты, с одной стороны как реликвию, а с другой, - как фонд на случай какого-нибудь несчастья в их семье. У нас в доме происходили бесконечные скандалы на почве моих настойчивых требований сдать их в кассу банка. Дело дважды доходило до разрыва, но жена, под влиянием своей семьи, не сдавалась. В течение последних лет бывали времена, когда семья наша в буквальном смысле слова голодала и я занимал деньги у кого только мог, между тем, как рядом существовал Торгсин, а жена не хотела тратить там этих денег. Может быть, считаясь с моим тяжелым физическим и душевным состоянием она берегла их, чтобы не остаться с детьми после моей смерти, без всяких средств к существованию. Предположение следствия, что у меня обнаружена подпольная касса к.-р. троцкистов, ни на чем не основано. Как мной уже было выше указано с к.-р. троцкистской оппозицией я порвал решительно и бесповоротно навсегда. Я заявляю Вам, что в моем лице они имеют большого убежденного врага, ибо помимо всего прочего, мое участие в ее преступлениях привело к меня к тому, что я не только сломал свою политическую жизнь, но и к тому, что я сломал также и свою физическую жизнь. Моя вина в отношении хранения этих денег заключается в

том, что я не нашел в себе сил бросить жену и детей или заявить в соответствующие органы о необходимости отобрать эти деньги. В этом деле мной бесспорно была проявлена крайняя беспринципность, за которую я уже достаточно наказан тем, что этими поранными монетами испачкано мое доброе, честное имя, единственное, что у меня оставалось.

О пораженичестве. Вопрос о моем пораженичестве возник по заявлению Сарры РАФАЛЬКЕС, - женщины с которой я был связан близкой дружбой в течение более 25 лет. Несмотря на всю тяжесть этого обвинения и несмотря на все страдания, которые оно мне причиняет, мне очень трудно касаться вопроса о моих с ней отношениях и мотивах, которые побудили ее так выступить против меня. Сарра РАФАЛЬКЕС считает и считает не без оснований, что она была в свое время втянута в антипартийную, к.-р. троцкистскую борьбу против партии и благодаря мне. Она была и за это в свое время исключена из партии и выслана в Павлодар. Потом, по возвращении из ссылки, она была снова исключена из партии и арестована. В Бутырской тюрьме, она покушалась на самоубийство. После этого ей было предложено в партийном порядке выехать на работу в Среднюю Азию. Там случилось несчастье, что какой то школьник покончил самоубийством в школе и ее сняли за это с работы в ОНО. Тем временем в Москве распалась ее семья, что причини-

до и причиняет ей много страданий. Будучи недавно переброшена в Воронеж на работу, она во время проверки партдокументов снова там потеряла свой партбилет и работу. ко всему этому надо еще прибавить, что она теперь переживает переходной, опасный для каждой женщины возраст, а ее единственная дочь, которая живет отдельно от нее проходит сейчас стадию созревания из девочки в женщину. Вследствие всего этого Сарра Рафелль-кес находится сейчас в состоянии отчаяния, которое усугубляется тяжелым материальным положением. В этом настроении с жалобами на свою судьбу, она и пришла ко мне повидаться, или точнее попрощаться, накануне того дня когда я ложился в больницу для исследования состояния моего спинного мозга. Весь наш разговор все время вертелся вокруг личных, бытовых и житейских тем. Я совершенно отчетливо помню, что когда я рассказывал ей о своей работе в Карабугазе и сказал ей дословно следующее: по моим наблюдениям в некоторых звеньях аппарата (речь шла об административном и хозяйственном аппарате) создаются элементы чрезмерного централизма и что у некоторых работников создается настроение " шапками закидаем". В нормальной обстановке говорил я ей, - это не имеет особого значения, но в случае войны, когда весь аппарат должен будет работать с точностью часового механизма, это может создать опасность, однако, в случае проигрыша нами хотя одного

сражения, партия и вся страна сразу вострепелются, все выпрямится и мы будем непобедимы. Откуда у нее получилось "если мы поб'ем - плохо", "если нас поб'ют - счастье для страны", я никак не пойму. С другой стороны, мне до сих пор невдомек, почему поняв меня так превратно, она меня не переспросила, не поправила, или просто не осадила. Я совершенно отчетливо помню также, хотя, после перенесенной мной тяжелой болезни у меня и бывают глубокие провалы памяти, что после ее рассказа о прохождении проверки партдокументов в Воронеже, я сказал ей, что считаю, что проверка эта, очистив партию от 8%, или 160-180.000 жуликов с партбилетами в кармане станет крепче и сильнее, но что мне кажется дефектом, что к этой кампании не была привлечена широкая партобщественность, как в период чистки партии. Во всех этих замечаниях я не видел и до сих пор не вижу ничего антипартийного, ибо они касались частных текущей жизни. Напротив, я их высказал, исходя из общего моего убеждения, что генеральная линия политики партии является абсолютно правильной и единственно возможной в нынешних исторических условиях. В той части заявления С. РАФАЛЬКЕС, которая была мне показана, имеется еще указание, что я де брюзжал "Мы в НКФ", "Мы в ЦК" и что она уже давно меня считала конченным для партии человеком. При всем напряжении своей памяти я никак не могу припомнить, чтобы в подобной форме когда либо говорил с ней, или кем либо другим. Возмож

26
153
28

что я когда нибудь вспоминал в ее присутствии светлые и ничем не запятнанные полосы в моей жизни, когда я работал в ЦК и ВКФ, но опять таки не могло ничему противопоставляться, ибо каждое время знает свои песни, т.е. другими словами, т.е. те проблемы и задачи, которые стоят сейчас, очень мало похожи на те, которые стояли перед нами еще 5 лет тому назад и несколько уже не похожи на те, которые стояли перед нами, скажем 10 или 15 лет тому назад, когда я работал в ВКФ, или ЦК партии. Поэтому сопоставлять и сравнивать несравнимое было бы нелепостью.

Не для того, чтобы полемизировать с кем либо, ибо считаю недопустимым такой прием в письме, адресованном в ЦБ, и не для того, чтобы дискредитировать Сарру Рафалькес, образ которой я до сих пор не могу вырвать из своей души, а имя из памяти, а исключительно в интересах выяснения причин, побудивших ее написать указанное выше заявление на меня в НКВД, я хотел бы спросить, когда Рафалькес стала считать меня конченным человеком для партии: тогда ли, когда она вернулась из ссылки и приходя ко мне в больницу возмущалась, когда я ей доказывал контр-революционную сущность троцкистской оппозиции и Троцкого, или тогда, быть может, когда мне приходилось форменным образом драться с нею, настаивая, чтобы она порвала всякие сношения и встречи с бывшими оппозиционерами, а она их не прерывала, вплоть до второго своего ареста и исключения из партии, или тогда быть может, когда она убивалась узнав, что во время чистки ВЦИ(б)

я был исключен из партии, или, наконец, может быть в самом конце 1934г., когда она гостила у меня в Карбу-газе и помогала мне редактировать письма, адресованные в ЦК партии и т. Н.И. ЕЖОВУ, в которых я просил об обратном приеме меня в партию? Ведь с тех пор, вплоть до последней встречи, я ее не видел. Я боюсь допустить мысль, но дело, мне кажется в другом. Будучи оба в отчаянии, она от сложившегося у нее положения, а я от высказанного мне врачами предположения, что у меня рецидив опухоли (для проверки этого я и лег на другой день в больницу), я при прощании, которое я считал тогда, что оно является последним в жизни, на вопрос ее как ей вырваться из своего отчаянного положения, я в шутку сказал ей: напиши куда нибудь, что в свое время я втянул тебя в к.-р. троцкистскую оппозицию. Я не думал, что это может иметь такие роковые последствия. Я не думал и мне даже сейчас трудно поверить, что мне придется выпить до дна чашу ядовитой клеветы, преподнесенную мне Саррой Рафалькес.

Партию наверно интересуется и не может не интересоваться какие у меня существовали взаимоотношения с т. К. РАДЕКОМ и И.Т.СМИЛГОЙ, который был в 1935 г. арестован и сослан. Как я уже сообщил выше, вернувшись из ссылки я тяжело заболел паралич начался у меня в Меленоводске. В тот же санаторий Леч. комиссии приехал т.К. РАДЕК. Узнав о моем состоянии, он и его жена ок-

28
~~155~~
30

рушили меня более чем братским вниманием. Их моральная поддержка оказалась для меня большим подспорьем. Когда меня привезли в Москву, меня сначала поместили в Боткинскую, а потом переместили в Кремлевскую больницу. Здесь тогда лежал СМИЛГА, единственный мой знакомый. Несмотря на свою замкнутость и медвежатость он то не стал выказывать мне большое сочувствие. Так-как болезнь моя затянулась, а семья моя осталась без средств к существованию, то оба они время от времени стали оказывать мне и материальную поддержку. После выхода из больницы, считая себя по человечеству обязанным и Радеку и Смильге и стал изредка заходить к ним, при чем чаще я бывал у т. К. РАДСКА, ибо он человек более общительный и живой, и реже в семье СМИЛГИ. В последние годы я последнего вообще очень мало видел, ибо он работает в Ташкенте, а когда он оттуда вернулся я уже работал в Карабугае. Должен сказать, что если с т. Радеком у нас бывали самые различные разговоры по поводу различных новинок дня, то со Смильгой, благодаря замкнутости его характера, у нас почти ни одного серьезного разговора никогда не было. М.б. это произошло от того, что когда я бывал у них в доме то только по приглашениям на пирушки и вечеринки, на которых обычно присутствовала самая разношерстная публика (артисты, писатели, педагоги, партийцы, которые были с ним знакомы по прежней и последней работе, его

и ее родные и кружившаяся в их доме молодежь). М.б. это было от того, что он знал мое отношение к партии и руководству и будучи по характеру замкнутым человеком, не хотел меня посвящать в свои мысли, если у него были в чем либо разногласия, м.б. по какой либо другой причине, но сколько я не напрягаю свою память я не могу больше припомнить, чем один его захватывающий рассказ о черной металлургии юга, когда он побывал там, о расширении хлопковых полей в Туркестане, когда однажды зашла речь о работе т. Рейнгольда, о животноводстве в Карбугазе, когда он побывал там по поручению Госплана. Я не помню, я не возьму на себя ни смелости отрицать, ни смелости утверждать, но возможно, что за столом, во время пиршеств и вечеринок, отпускались какие нибудь шуточки по поводу каких нибудь злободневных событий. Я говорю об этом потому, что меня об этом несколько раз спрашивали во время следствия по моему делу. Во всяком случае, я считаю необходимым со всей отчетливостью заявить ЦБ, что если бы я что-либо знал, то я не постеснялся бы об этом откровенно рассказать, во-первых, потому, что у меня нет никаких групповых, фракционных или иных тайн от партии и, во-вторых, потому, что это ничем не могло бы повредить И. СМИЛГЕ, которому я считал себя только по человечеству обязанным за помощь, которую он мне оказывал во время моей продолжительной болезни.

В последние годы, считая со времени исключения меня из рядов ВКП(б) я еще реже стал бывать у т. К. Радека и И.Смилги. С этого времени я стал, как уже было указано выше трагически одиноким человеком, который мучился тяжелой душевной болезнью.

Товарищи, мое письмо получилось черезчур большим. Я рискую, в что вследствие этого, никто из Вас не в состоянии будет его прочесть. Но я решил написать Вам все, - вывернуть, что называется свою душу наизнанку. Я отдаю себе полный отчет в том, насколько трагично мое положение. Я знаю, что после ужасного двурушничества, стольких обманов со стороны всех оппозиций и оппозиционеров, бывших и настоящих, и, особенно, после фашистского выстрела в незабвенного С.М. Кирова партии трудно поверить новому заявлению. С другой стороны, я отдаю себе полный отчет в том, как сильна цепь обвинений, которая выдвигается против меня. Во -первых, бывший троцкист и не рядовой, а бывший член центра к.-р. троцкистской оппозиции. Во-вторых, в 1933 г. был во время чистки опять исключен из партии. В -третьих, - заявление С. Рафалькес. И, наконец, четвертое, материалы, оружие и деньги, отобранные во время происшедшего у меня обыска и имевшие место встречи с И.Т. Смилгой. Но, товарищи, я написал Вам все так, как было и есть в действительности. Я ничего не скрываю и не таю от Вас, иначе я вовсе не стал бы писать в ПБ.

31
187
33

У меня нет никаких антипартийных, антисоветских фракционных, или групповых тайн от партии. Со времени разрыва с оппозицией я никакой антипартийной, анти-советской, фракционной, или групповой борьбой, или работой против партии и ее руководства не занимался. Я повинен в том, что вследствие тяжелого душевного и физического состояния опустился и не привел в порядок своих архивов и не сдал куда следует своих старых к.-р. троцкистских материалов, которые у меня завалялись. Я виноват, что имел оружие без разрешения соответствующих властей и, что допустил крайнюю безпринципность в отношении хранения в своей семье (ам. долларов и золотых монет. За все это я должен быть наказан. Во всем же остальном я не повинен.

Товарищи, я обращаюсь к Вам не потому, что меня страшит наказание, которым грозит мне обвинение. Мое душевное и физическое состояние уже измучили меня настолько в течение последних лет, что никакое наказание не сможет с этим сравниться. С другой стороны, меня не страшит и смерть, ибо она только избавит меня и мою семью от лишних мук, связанных с моей жизнью. А обращаюсь я к Вам только потому, что я не хочу допустить судебную ошибку, которая была бы связана с моим именем и бросила бы тень на Советскую власть. С другой стороны, я не хочу стать героем для когонибудь и мучеником чуждых мне идей, действий и намерений. Я прошу Вас поинтересоваться моим делом и изме-

32
~~47~~
34

нить его направление. Это всецело в Вашей власти.

Т.Т.СТАЛИН и МОЛОТОВ! Я обращаюсь лично к Вам, как к высшей контрольной инстанции, как к вождю партии и главе Правительства. Немного Вы оба меня знаете. Излишне указывать, что если б у меня существовала хоть тень разногласий, или враждебность к партии и ее руководства, я никогда не стал бы обращаться ни в ЦБ, ни лично к Вам с этим письмом. Стечением ряда несчастных случайностей я поставлен сейчас на край пропасти. В тот момент, когда передо мною стала открывающаяся цель жизни, в тот момент, когда врачи признали, что у меня нет опухоли в спинном мозгу, которая меня так пугала, а имеются только спайки, которые будут, правда, причинять мне ужасные боли, но не грозят мне полной инвалидностью, в этот момент против меня возникло тяжелое обвинение в преступлениях, в которых я не повинен. Я клянусь Вам священной для всех нас памятью В.И.ЛЕНИНА и священной для меня памятью отца моего, погибшего на Деникинской виселице за Советскую власть, что со времени моего разрыва с к.-р. троцкистской оппозицией я больше не занимался никакой антипартийной, антисоветской, фракционной, или групповой работой, что я не таил и не храню никаких тайн от партии и что все, что мною написано в этом письме, написано мною правдиво, кровью своего сердца и соком своих нервов.

Если партия не потеряла ко мне последних крупиц доверия и, если Вы сочтете, что я смогу быть еще

полезен партии и правительству на какой-нибудь работе, я прошу Вас помочь мне стать на ноги (в полном, прямом, физическом значении этого слова) и ввести меня в чуткий круг товарищей и тогда, я не сомневаюсь, Вы скоро убедитесь, что в моем лице партия найдет нового САРКИСОВА и нового ГВАХАРИЯ.

С искренним большевистским
приветом А.О. АЛЬСКИЙ.

Москва, Внутренн. тюрьма
НКВД, камера № 61.
20 февраля 1936 г. 12 ч.
дня.

Р.З. Дорогой т. Серго! Я все время надеялся, что мне представится какой-нибудь случай встретиться с Вами лично, чтобы извиниться за обман Вашего личного доверия, которое я нарушил, в связи с известным письмом, посланным мною Троцкому в 1927 г. Я тогда обманул Вас, вопреки личному желанию, а понуждаемый фракционными обязательствами, которые я тогда преступно поставил выше партийных. О том, что я был автором этого письма я в 1929 г. заявил ЦКК. Лежа на смертном одре я написал Вам и т. Ярославскому письмо, в котором я просил простить мне этот грех, который тяготил мою совесть, но потом письмо это Вам не было передано из боязни, что оно будет неправильно понято. Чем бы не кончилось мое теперешнее дело и какое бы наказание я не понес, настойчиво прошу Вас простить мне этот обман, который до настоящего времени мучает мою совесть.

С наилучшими пожеланиями и наилуч-
шим коммунистическим приветом
А. АЛЬСКИЙ.

В Секретариат ЦБ ЦК ВКП/б/. Не имел возможности ни
переписать, ни размножить это письмо, прошу Вас не отка-
заться срочно сделать это и затем разослав это письмо
по всем адресам, указанным выше. Т.т. речь идет об
очень серьезном, поэтому прошу не промедлить.

С ком.приветом А.АЛЬСКИЙ.

20. II. 36г.

При сем письмо на 16/шестнадцати/ страницах
большого формата.

27 38
162

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СПРАВКА

АЛЬСКИЙ Аркадий Осипович, 1892 г.р. , бывш. член ВКП(б) с 1917 года, исключен в 1927 году, как троцкист и в том же году, как член троцкистского центра был выслан в Сибирь сроком на 3 года.

В июле 1929 года из ссылки был досрочно освобожден и в 1930 году восстановлен в ВКП(б), как заявивший о разрыве с троцкизмом.

В 1933 году комиссией по чистке из рядов ВКП(б) вторично исключен, как троцкист.

Арестован 5/II- 1936 года. В момент ареста занимал должность зам. управляющего треста Карабугазхим. Обыском у АЛЬСКОГО обнаружены и изъяты:

- 1/ архивы троцкистского центра, в виде различных рукописей, заявлений, листовок и т.д.;
- 2/ записи гнуснейших контр-революционных клеветнических измышлений, имеющих целью дискредитировать руководителей партии, в частности тов. СТАЛИНА, тов. ЖИРОВА и других;
- 3/ подлинник собственноручно написанного АЛЬСКИМ письма ТРОЦКОМУ о необходимости нелегального организационного оформления троцкистской оппозиции.

По поводу имевшейся в ЦК ВКП(б) копии этого письма АЛЬСКИЙ в 1927 г. подавал заявление в Политбюро ЦК ВКП(б)

28
163 36

в котором писал о копии, как о документе, якобы, "сфальсифицированном рукой провокатора", для дискредитации ТРОЦКОГО, отказываясь от того, что автором этого письма является АЛЬСКИЙ;

4/ подлинные подписи на отдельных листках в количестве 41 штуки, ли, присоединившихся к заявлению "83-х"

5/ два нелегально хранившихся револьвера и к ним 97 штук патронов;

6/ в матрасе кровати АЛЬСКОГО были также обнаружены запрятанные золотые монеты царской чеканки на сумму 250 руб. и 630 американских долларов.

До своей ссылки в 1927 году, АЛЬСКИЙ в составе троцкистского центра ведал финансами центра и вопросом связи с периферийными троцкистскими центрами.

Вернувшись из ссылки в 1929 г., АЛЬСКИЙ откровенных показаний о своей прошлой контр-революционной работе не дал, а продолжая оставаться на троцкистских позициях, поддерживал организационные связи с троцкистами - двурушниками.

Арестованный участник группы И.Н. СМЕРНОВА - троцкист АЛТАЕВ показал:

" В Москве я также бывал у И.Н. СМЕРНОВА и АЛЬСКОГО, где получил соответствующий инструктаж" (из показаний АЛТАЕВА от 27/1 - 34г.).

АЛЬСКИЙ поддерживал теснейшую связь с террористически настроенным троцкистом СМЕРНОВым до дня ареста последнего, при чем в момент ареста СМЕРНОВА АЛЬСКИЙ был у него на квартире.

37-39
164

Будучи озлоблен против руководства партии, АЛЬСКИЙ заявлял:

"Чрезмерная централизация управления, ликвидация общественного контроля, зажим инициативы и малейшей, мысли, идущей снизу, бюрократизация контроля (имел ввиду организацию КПК и КСК), черты, свойственные сталинскому режиму приводят к вопиющему развалу внутри каждой хозяйственной единицы, к измельчанию работников. Этот развал прикрывается до поры, до времени декорацией внешних успехов, но на каком то этапе они дадут себя знать в чрезвычайно болезненной форме" (ар. сводка от 17/IV - 34 г. №212).

Эти данные о резких контр-революционных взглядах АЛЬСКОГО подтверждает заявление троцкистки РАФАЛЬКЕС и ее допрос в СПО ГУГБ 3/1 - 1936 г., на котором она показала:

"АЛЬСКИЙ Аркадий Осипович является врагом ВКП(б) и соввласти, троцкистом - двурушником стоит на к.-р. троцкистских позициях до настоящего времени, конспирируя это от органов соввласти.

29/XII - 1935 г. в беседе АЛЬСКИЙ пытался мне доказать пораженческий тезис для СССР. АЛЬСКИЙ говорил: "Если будем возвать - нас побьют, а если мы будем бить, то это явится несчастьем для СССР" (из показаний РАФАЛЬКЕС от 3/1 - 1936 г.).

Допрошенный по существу изложенного АЛЬСКИЙ откровенных показаний пока не дает. Следствие ведется в направлении вскрытия организованной контр-революционной деятельности АЛЬСКОГО и в частности возможной подготовки АЛЬСКИМ террористического акта.

НАЧ. СЕКР. - ПОЛИТ. ОТДЕЛА ГУГБ -
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА -

(Г. МОЛЧАНОВ)

" " февраля 1936г.

38 48
10. ~~165~~

ТОВ. Е Ж О В У .

Направляю Вам заявление и справку по делу АЛЬСКО-
ва А.И., арестованного за контр-революционную троц-
кистскую деятельность.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

/ П Р О К О Ф Ь Е В /

10 марта 1936 г.

35717

14 July 36